

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ОБЩЕНАУЧНЫЙ ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 334

Май

2010

Свидетельства о регистрации: бумажный вариант № 018694, электронный вариант № 018693

выданы Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.

ISSN: печатный вариант – 1561-7793; электронный вариант – 1561-803X

от 20 апреля 1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Житенев А.А. Интимизация как художественная стратегия: опыт Серебряного века	7
Копытов О.Н. Образ автора и авторское начало: разграничение и области применения понятий	11
Костомаров П.И. Прецедентные тексты в дискурсе личности – носителя немецкого народно-разговорного языка Сибири	15
Попова Е.В. Символическое наполнение лексем «сердце» и «душа» в «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина	18
Хорошева Н.В. Смеховые архетипы французского и русского субстандарта	22

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

Агапов О.Д. Метафизика интерпретации	28
Курган А.А. Формирование феноменологической онтологии времени и ее основные принципы	32
Морозова О.Ф. Тайм-менеджмент в системе социального управления	35
Тарнапольская Г.М. Выражение человека в двух символических формах	40
Шашкова Я.Ю. Российский партогенез конца XX – начала XXI в.: проблема периодизации	44

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Липеровская Г.Н. Музейная утопия академика И.Э. Грабаря: замыслы и реальность	47
Смокотин В.М. Модель Европейской школы: заложение основ многоязычного и поликультурного образования в Европе	51

ИСТОРИЯ

Воробьев Н.В. Торговая деятельность городской и рабочей потребительской кооперации Сибири в 1926–1929 гг.	56
Ким М.Ю., Кузоро К.А. Социальная политика советской власти (1930-е гг.) в отечественной и зарубежной историографии	64
Привалихина С.В. Русская императрица Елизавета Алексеевна в немецких источниках и исторических исследованиях	68
Рышков В.М. Возникновение и деятельность Всероссийского совета съездов торговли и промышленности (лето 1918 – лето 1919 г.)	71
Шевцов В.В. Из истории Томских губернских ведомостей	79
Яринская А.М. «Домострой» и «Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества»: опыт сравнительного исторического анализа	84

ПРАВО

Ахмедшина Н.В. Оптимизация мер учета сведений о потерпевших от преступлений	88
Воронин О.В. Становление и развитие пенитенциарного надзора в России до принятия УИК РФ	91
Емельянова Е.В. К вопросу о дискриминации в сфере трудового использования осужденных к лишению свободы	94
Петухова Н.В. Проверка соответствия вопроса референдума требованиям закона: проблемы правового регулирования в современной России	96
Чубраков С.В. К вопросу о философском содержании категории «принцип» в уголовно-исполнительном праве	99
Янбухтин Н.Р. Земельный кадастр как инструмент правового регулирования рационального использования земель	102

ЭКОНОМИКА

Жилина Е.В. Использование бинарной логистической регрессии для оценки качества адаптивного теста	106
Казачков В.В., Савиных Т.С. Особенности бюджетного федерализма в России	110
Казначеева Н.Л., Струкова Е.Г. Маркетинговые исследования потребителей услуг дистанционного образования	114
Поварич И.П., Бабин С.А. Основные понятия и структура компенсационной политики организации	119
Филатова Н.Г. Институциональные аспекты экономической реализации форм собственности	125
Шевченко Н.А. Приоритетные направления трансформации энергетического сектора в экономике, основанной на знании	128

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

Иванова В.П. Феноменология интеллектуальной культуры: общие характеристики	132
Мунгалов В.Н. Содержание и структура ментального пространства сибиряков (на примере русских, бурят и евреев)	138
Филоненко А.Л., Бохан Т.Г. Реферативный анализ проблемы изучения факторов риска невынашивания беременности	142
Четошникова Е.В., Мельникова Ю.А. Проблема решения жизненных задач в процессе самоосуществления человека	147
Шарапов В.В. Особенности самосознания и проблема взаимоперехода ментальности и этничности у населения Среднего Поволжья на рубеже 1990-х – начала 2000-х гг.	153
Якунина Е.Н., Кабачкова А.В. Структурированный танец в практике физического воспитания студентов	157

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

Игловская Н.В., Нарожный Ю.К. Определение снеготолщин Алтая с использованием спутниковой информации	160
Малолетко А.А. Изыскание шихтмейстером Иваном Денисовым тракта от Змеевского рудника до Кабановской пристани (1753 г.)	166
Савичев О.Г. Фоновые концентрации веществ в речных водах таёжной зоны Западной Сибири	169
Седнев И.С. Экологическое состояние ландшафтов участка Бакчарского болотного массива	176
Толоконникова З.А., Пономаренко Е.С. Раннепермские мшанки р. Илыч (север Урала)	180

КОГНИТИВНЫЕ НАУКИ

Величковский Б.М., Вартаков А.В., Шевчик С.А. Системная роль когнитивных исследований в развитии конвергентных технологий	186
Дубровский Д.И. Субъективная реальность и мозг: два вопроса, требующих теоретического решения	192
Резанова З.И. Когнитивная лингвистика в парадигмах лингвистического функционализма и интегральных концепций сознания	195
Черникова И.В. Гуманистическая функция когнитивной науки в современном обществе	200
Памяти Николая Васильевича Поправко	203
КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	204
АННОТАЦИИ СТАТЕЙ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	207

FEDERAL AGENCY OF EDUCATION
TOMSK STATE UNIVERSITY BULLETIN
GENERAL SCIENTIFIC PERIODICAL

№ 334

May

2010

Certificates of registration: printed version № 018694, electronic version № 018693
Issued by the Russian Federation State Committee for Publishing and Printing on April 14, 1999.
ISSN: printed version – 1561-7793; electronic version – 1561-803X
April 20, 1999 by International centre ISSN (Paris)

CONTENTS

PHILOLOGY

Zhitenev A.A. Intimisation as an art strategy: experience of the Silver Age	7
Kopytov O.N. The image of the author and the author's element: differentiation and scopes of concepts	11
Kostomarov P.I. Precedent texts in the discourse of a person – a native speaker of the German folk informal language of Siberia	15
Popova Ye.V. Symbolic content of lexeme «heart» and «soul» in «The Letters of Russian traveler» by N.M. Karamzin	18
Khorosheva N.V. Laugh archetypes of French and Russian substandard	22

PHILOSOPHY, SOCIAL AND POLITICAL SCIENCES

Agapov O.D. Metaphysics of interpretation	28
Kurgan A.A. Formation of phenomenological ontology of time and its basic principles	32
Morozova O.F. Time-management in social management system	35
Tarnapolskaya G.M. The expression of human in two symbolic forms	40
Shashkova Ya.Yu. Russian political party genesis of late 1900s – Early 2000s: problem of periodisation	44

CULTUROLOGY

Liperovskaya G.N. The museum utopia of academic I.E. Grabar: conception and reality	47
Smokotin V.M. The European School Model: laying the foundations of multilingual and multicultural education in Europe	51

HISTORY

Vorobyov N.V. Trading activity of urban and labour consumer cooperation of Siberia in 1926–1929	56
Kim M., Kuzoro K.A. Social policy of the Soviet rule (1930s) in national and foreign historiography	64
Privalikhina S.V. Russian Empress Elizaveta Alekseevna in German sources and historiography	68
Rynkov V.M. Creation and work of All-Russian Council of Trade and Industry Congresses (summer 1918–summer 1919)	71
Shevtsov V.V. From history of the Tomsk Provincial Bulletin	79
Yarinskaya A.M. «Domostroy» and «General Resolution on Upbringing of Young People of Both Sexes»: comparative historical analysis experience	84

LAW

Akhmedshina N.V. Optimisation of measures of crime victims' data recording	88
Voronin O.V. Development of Russian penitentiary supervision before the Penitentiary Code adoption	91
Yemelyanova Ye.V. Issues of convicts' labour regulation discrimination	94
Petukhova N.V. Control of conformity of question on referendum to statutory requirements: problems of legal regulation in modern Russia	96
Chubrakov S.V. On philosophical content of the category «principle» in penal executive law	99
Yanbukhtin N.R. Land cadastre as an instrument of legal regulation of efficient land use	102

ECONOMICS

Zhilina Ye.V. Use of binary logistical regress for estimation of quality of the adaptive test	106
Kazakov V.V., Savinykh T.S. Budget federalism in Russia	110
Kaznacheeva N.L., Strukova Ye.G. Marketing researches of users of distance learning services	114
Povarich I.P., Babin S.A. Main concepts and structure of enterprise's compensation policy	119
Filatova N.G. Institutional aspects of economic realisation of the forms of property	125
Shevchenko N.A. Priority directions of transformation of energy sector in knowledge-based economy	128

PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS

Ivanova V.P. Phenomenology of intellectual culture: general characteristic	132
Mungalov V.N. Siberians' mental space content and structure	138
Filonenko A.L., Bokhan T.G. Misbirth risk factors analysis in psychology	142
Chetoshnikova Ye.V., Melnikova Yu.A. The Problem of life-long tasks solving in the process of person's self-realisation	147

Sharapov V.V. Features of consciousness and the problem of mentality and ethnicity intertransition of the Volga Region population in 1990s–2000s	153
Yakunina Ye.N., Kabachkova A.V. Structured dance in practice of students' physical education.....	157

SCIENCES ABOUT EARTH

Iglovskaya N.V., Narogny Yu.K. Estimation of snow storage in Altai using satellite information	160
Maloletko A.A. Ivan Denisov's search of the route from Zmievisky mihe to Kabanovskaya wharf (1753)	166
Savichev O.G. Background concentration of substances in river waters of the taiga zone of Western Siberia	169
Sednev I.S. Ecological condition of landscapes of the Bakchar Bog	176
Tolokonnikova Z.A., Ponomarenko E.S. Early Permian Bryozoans of the Ilych River (Northern Urals)	180

COGNITIVE SCIENCE

Velichkovsky B.M., Vartanov A.V., Shevchik S.A. Systemic role of cognitive studies in convergent technologies development	186
Dubrovskiy D.I. Subjective reality and brain: two questions for theoretical solution	192
Rezanova Z.I. Cognitive linguistics in the paradigms of linguistic functionalism and integral concepts of cognition	195
Chernikova I.V. Humanistic function of the cognitive science in modern society	200
In memory of Nikolay V. Popravko	203

BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	204
SUMMARIES OF THE ARTICLES IN ENGLISH	207

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА В ПАРАДИГМАХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ФУНКЦИОНАЛИЗМА И ИНТЕГРАЛЬНЫХ КОНЦЕПЦИЙ СОЗНАНИЯ

Когнитивная лингвистика характеризуется во внутринаучном контексте, в аспекте ее включения в парадигмальное лингвистическое направление функционализма и в контексте наук, исследующих сознание. Когнитивная лингвистика характеризуется как интегративная наука, преодолевающая ограничения структурного анализа языка, и исследовательская система, способная разрешить ряд проблем интегральной теории сознания.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика; функционализм; сознание; интегральная концепция сознания; теория; метод.

Любая рефлексия, включая рефлексии основ человеческого знания, неизбежно осуществляется в пределах языка, и это является нашей отличительной особенностью как людей и как существ, действующих по-человечески. По этой причине язык также является нашей отправной точкой, нашим когнитивным инструментом, пунктом, к которому мы будем постоянно возвращаться.

Матурана Умберто, Варела Франциско. Дерево познания

Лингвистика рубежа XX и XXI вв. оценивается современным научным сообществом в качестве науки, формирующей новую парадигму (в соответствии с постулатами Т. Куна), определяемую как антропоцентричная, или функциональная. Два именования актуализируют разные аспекты теоретико-методологического единства взглядов, находящихся в оппозиции к предшествующему парадигмальному направлению структурализма практически по всем существенно важным параметрам.

В этом противопоставлении на новом уровне, в новой интерпретации предстает «старая» коллизия. История языкознания может быть проинтерпретирована и в аспекте сосуществования, и в аспекте периодической актуализации либо описательной модели интерпретации языка, представляющей объект как правильно организованную номенклатуру элементов, либо модели деятельностной, характеризующей язык в процессах активного коммуникативного взаимодействия автора и адресата, говорящего и слушающего.

Анализируя сосуществование данных линий в развитии языкознания, Б.М. Гаспаров отмечает: «При всей проницательности философских интуиций о природе языка как духовной “энергии” и о непрерывности развертывания языковой среды сами по себе они не давали ответа на вопрос о том, как конкретно – в каких параметрах и категориях, с помощью каких приемов – язык может быть описан в таком качестве. Здесь у рационалистически-позитивистского подхода оказывалось огромное преимущество, поскольку он опирался на громадную традицию описания языка в параметрах устойчивых, твердых, “закономерно” построенных форм...» [1. С. 21–22].

В то же время новизна переживаемого нами в настоящее время периода в развитии мировой лингвистики – именно в том, что впервые функционализм начинает занимать доминирующее положение в политеоретическом пространстве науки. Многие теоретические постулаты, рожденные в предшествующие эпохи, воплощаются в методологически оснащенные исследования, получают доказательную базу, будучи апробированными на обширном эмпирическом материале. На

этой основе рождаются целостные научные направления, представляющие новую предметную аспектацию объекта на базе единой, интегрированной теории и методологии.

В ядре своем аналитико-описательное и функциональное направления противопоставлены по важнейшим теоретико-методологическим установкам, что уже достаточно полно и глубоко отрефлексировано современной историко-лингвистической мыслью. Охарактеризуем противопоставленность парадигмальных направлений указанием на три «точки напряжения» концепций, состоящие в различии определений: 1) функциональных границ языкознания; 2) предмета исследований, вычленяемого из глобального объекта, являющегося предметом разных наук; 3) методологической платформы исследований.

Итак, в первом аспекте противопоставление подходов ярко выявляется в сопоставлении знаменитого постулата Ф. де Соссюра, заключающего «Курс общей лингвистики» – «Единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя» [2. С. 269], и постулата о функциональных границах, сформулированного А. Кибриком: «Все, что имеет отношение к существованию и функционированию языка, входит в компетенцию лингвистики» [3. С. 20].

С различием характеристик функциональных границ языкознания коррелирует и противопоставленность дефиниций языка как предмета лингвистических исследований. На основе ставшего классическим определения языка Ф. де Соссюра (Язык – «это система знаков, в которой единственно существенным является соединение смысла и акустического образа, причем оба эти компонента знака в равной мере психичны» [2. С. 253]) в лингвистической традиции был актуализирован аспект *системности* языка как внутренней упорядоченности *знаков*. Отмечаемый в качестве важнейшего признака языка «психичность» в парадигме структурализма интерпретировался как своего рода аксиома, не вводимая в сферу исследовательских практик. В современных дефинициях языка при сохранении указаний на признак системности акцент переносится на

выделение *функциональной направленности и внешней детерминированности* свойств системы, что, например, мы наблюдаем в определении языка Н.К. Рябцевой: «Естественный язык – чрезвычайно практичная, удобная, эффективная, универсальная, устойчивая, лабильная, гибкая, рекурсивная, самоорганизующаяся, эволюционирующая, осмысленная (способная к рефлексии, «субъектно мотивированная» и др.), креативная и в целом антропоцентричная система ограниченного набора средств социального взаимодействия, предоставляющая своему носителю теоретически безграничные возможности воплощения своих коммуникативных и когнитивных потребностей и намерений, и потому конгруэнтная естественному интеллекту» [4. С. 14].

Редукционистской тенденции строгого *ограничения объекта исследования* соответствуют строгие формализованные процедуры их извлечения из бескрайнего поля речевых употреблений, исключаящие обращение к внеязыковым факторам, к методам других наук. Именно благодаря структурализму современная лингвистика обогатилась набором формализованных методов внутрилингвистического анализа, важнейшими из которых являются компонентный, дистрибутивный и трансформационный анализ, а также анализ непосредственно составляющих. Применение данных внутрилингвистических методов является надежным доказательством языковой природы выделяемых на их основе феноменов, что в пределах структурализма способствовало закреплению в качестве методологически значимого противопоставления *языкового и внеязыкового*. Десятилетия парадигмального доминирования лингвистического структурализма выявили и эффективность методологии, и ее ограничения. Не вдаваясь подробно в обсуждение данной весьма важной проблемы, отметим те моменты, которые явились, на наш взгляд, стимулом к формированию новых теоретико-методологических установок функционализма.

Во-первых, последовательное применение структуралистской методологии приводит к выявлению *ядра*, но не всей системы (это утверждение распространяется как на описание языка в целом, его уровневых подсистем, так и на интерпретацию отдельных единиц, например системы лексического значения слова). В результате формируется «слишком правильная модель языка», выводящая за свои пределы значительный объем эмпирически обнаруживаемых, но не вписывающихся в строгие структурные модели описания фактов.

Во-вторых, метод позволяет извлечь ядро языковой системы, анализируя текст. Обратный же переход «от языка-системы» к описанию текста и реальных процессов текstopорождения оказывается невозможным именно вследствие выведения за пределы модели множества «маргинальных фактов», являющихся в процессах порождения речи столь же значимыми, как и ядерные. Существенное значение для формирования новых подходов к описанию языка имело осознание того, что «структурализм выводит за пределы своей компетенции:

- причинное объяснение литературы, заменяя каузальный детерминизм имманентным детерминизмом структуры;
- произведение как динамическое событие;

- семантическое измерение произведения, которое оно обретает за счет своего текстового употребления;
- целевые установки автора и интенциональные значения, которые он вкладывает в свое сообщение;
- акты выбора и инновации, осуществляемые в процессе создания произведения; коммуникативную ситуацию, адресованность текста, требующую учитывать не только его отправителя, но и получателя, а также контекст» [5].

Отмечаемые Г.К. Косиковым ограничения структурного метода по отношению к анализу художественного текста можно отнести к исследованиям реальных результатов и процессов порождения любого текста как интенционально обусловленной единицы.

Таким образом, введение в проблемное поле лингвистики в качестве предмета анализа *текста*, в своей структуре обнаруживающего и авторскую интенцию, и условия порождения в конкретной коммуникативной ситуации, потребовало кардинального расширения предметной сферы, введения в модель описания языка *говорящего человека*, широкого и узкого социокультурного *контекста* текstopорождения. Фокус исследования перемещается с изучения языка на изучение языкового существования и речевого осуществления человека в их обусловленности внешнесистемными детерминациями, от языка – средства коммуникации к языку-коммуникации, от анализа того, как устроено орудие общения, к тому, как оно работает в реальных актах интеракции-коммуникации, от структур объекта – к его функциям.

Сущность интегративного функционального подхода определяется следованием ряду принципов, среди которых в качестве важнейших следует назвать установку на выявление взаимных детерминирующих отношений языка и сложных систем, в которые язык входит в качестве элемента. Обозначим эти системы как «человек», «коммуникация», «культура», взаимные отношения которых можно отразить следующим образом: «человек» ↔ «коммуникация» ↔ «культура». Системы соотносятся как последовательно усложняющиеся: язык входит в коммуникацию посредством сложной системы «человек», которая, в свою очередь, входит в систему коммуникации, включенную в систему культуры и детерминированную ей. В сложные системы язык включается, выполняя базовые и частные функции.

При множестве функциональных интерпретаций языка исследователи в большинстве своем сходятся в том, что в качестве базовых языковых функций, т.е. таких, которые реализуются в каждом употреблении языка и не имеют специализированных средств выражения, следует рассматривать *когнитивную и коммуникативную функции*. Ориентированность на исследование данных функций приводит к формированию двух важнейших направлений современного функционализма: когнитивную лингвистику и коммуникативную лингвистику. В наименованиях данных ведущих направлений обозначаются скорее исследовательские «входы» в язык, однако практика анализа речевой деятельности неизбежно приводит лингвистов к необходимости привлечения теоретико-методологического аппарата смежных отраслей лингвистики. В языковой онтологии две базовые функции существуют в неразрывном единстве, взаимно обуславливая друг друга:

любая коммуникация когнитивно детерминирована, а человеческая когниция глубоко коммуникативна. Гносеологическим следствием онтологического единства и взаимообусловленности базовых языковых функций является направленность современного функционализма на создание интегративной модели описания языка, которую определяют как когнитивно-дискурсивную парадигму [6].

Самое обращение к исследованию базовых языковых функций детерминирует междисциплинарность современной функциональной лингвистики, ее отказ от методологических ограничений, проявляющихся в стремлении опираться только на жестко формализованную методологию структурализма. Так как функциональная лингвистика анализирует использование языка-системы во внешних средах – когнитивной и социальной, которые не могут не оказывать влияния на реализацию функций, современная лингвистика обращается к методологическому и терминологическому аппарату соответствующих наук: когнитивистики, психологии, культурологии, социологии.

Итак, невозможность моделирования порождения текста и текстопорождения без введения в систему анализа человеческого фактора явилась важнейшей внутринаучной причиной, побудившей формировать новую модель описания, антропоцентрическую, или функционалистскую, с привлечением методологии наук, исследующих когнитивные и социальные структуры.

В этой функционалистской, или антропоцентристской, парадигме лингвистического описания когнитивная лингвистика играет ключевую роль, исследуя связи языка и когнитивного механизма в качестве важнейших детерминаций, обуславливающих онтологические свойства и языка, и когниции. Так как постижение их сущности ведет к пониманию того, что есть человек как вид, определяемый в науке *homo sapiens sapiens*, без понимания взаимодетерминирующих связей разума и языка невозможно создание моделей текстопорождения, а также исследование того, как языковая система соотносится с другими системами культуры.

Обращение к проблематике взаимодетерминирующей связи языка и когнитивного механизма в рамках целостного направления когнитивной лингвистики было стимулировано не только внутринаучно, но и извне, из проблематики смежных наук, включающих в свою предметную сферу разные аспекты феномена сознания.

В качестве важнейшего *внешнего импульса*, способствующего оформлению когнитивной лингвистики в качестве самостоятельного направления лингвистического функционализма, следует назвать необходимость решения ряда проблем, актуализировавшихся на определенном этапе развития *теории искусственного интеллекта*. Как отмечает Н.К. Рябцева, разрешая вопрос о том, «насколько возможно моделирование мыслительной деятельности на ЭВМ и представление модели средствами формализованных языков», исследователи приходят к пониманию высокой степени несовместимости принципов работы мозга и компьютера, а также невозможности построить эффективные модели искусственных интеллектуальных систем на основе имеющихся представлений об *устройстве когнитивного аппарата человека и устройстве естественного языка*

[4. С. 12–39]. Прагматические потребности общества в создании искусственного интеллекта привели к обнаружению того, что наши знания о работе когнитивного механизма человека весьма недостаточны, вследствие чего была сформирована задача исследования единого объекта – сознания человека – на междисциплинарной основе.

Развитие теории искусственного интеллекта оказывается зависимым от результатов исследований когнитивной деятельности человека и способов ее семиотической репрезентации в системах естественных языков. Оппозиция *естественный – искусственный интеллект* соотносена с оппозицией *естественный – формализованный язык описания*, вследствие чего актуализируется проблема понимания возможностей *естественного языка* в формировании модели и структур сознания, и искусственного интеллекта.

И еще одна прагматическая потребность современного общества обнаружила определенные «белые пятна» в структурной модели описания языка, поставив вопрос о необходимости новых подходов к его исследованию, – это потребность в кардинальном совершенствовании информационных технологий. Известно то важное значение, которое играет в развитии современных сетевых информационных технологий естественный язык. Однако, как отмечает Н.К. Рябцева, при том, «что ни одна сколько-нибудь эффективная информационная система не может обойтись без лингвистического процессора, стало очевидным, что естественный язык не поддается полной формализации и алгоритмизации» [4. С. 51].

Итак, на пересечении проблемных ситуаций, рожденных в рамках различных теоретических и прикладных научных сфер, – разработок в области искусственного интеллекта, информационных технологий обработки естественного языка, в том числе информационного поиска, машинного перевода и др. – формируется заказ на принципиально иной вариант исследования языка.

На разрешение данных задач нацелена когнитивная лингвистика как самостоятельное направление в рамках лингвистического функционализма и вместе с тем одно из направлений междисциплинарной науки когнитивистики.

Когнитивная лингвистика как наука междисциплинарная интегрирует в собственно лингвистическую методологию теоретический и методологический аппарат наук, имеющих предметом исследования когнитивные структуры, прежде всего методы и подходы когнитивной психологии. Чрезвычайно важное значение для когнитивной лингвистики имели открытия когнитивной психологии, которая изменила представление о природе и функционировании сознания, в том числе и о связях когниции и языка/речи.

Констатация связи языка и сознания имеет столь же древнюю историю, как и сама лингвистика. За более чем двухтысячелетнюю историю рефлексий этой проблемы сформировалось значительное количество школ и направлений, различающихся как определением *границ*, выделением существенных *свойств языка и сознания*, так и определением *характера их связи*. Именно по этим аспектам интерпретации предмета исследования когнитивная лингвистика либо противостоит другим направлениям, либо на новом уровне продолжает

развивать уже высказанные идеи с привлечением теоретических и методологических достижений гуманитарных наук XX в.

В определении *характера связи языка и сознания* когнитивная лингвистика оппозиционирует разным вариантам редуционистских теорий, в пределах которых язык и сознание рассматриваются как самостоятельные модули, контактирующие лишь «на выходе». Наиболее ярко такой подход представлен в логических теориях языка, в которых языковая семантика интерпретируется как непосредственный слепок с логических структур: смыслы языка формируются в механизмах логического мышления, язык же призван их «означивать». В традиции, заданной европейской «Грамматикой Пор-Рояля», разрабатывается идея о том, что языки различаются характером формальной поверхностной репрезентации глубинных логических категорий. Языковые смыслы есть результат маркирования в языковой форме выборки и конфигурации логически определенных смыслов. Своеобразие языков в таком случае есть результат создания разных конфигураций единого в своей логической основе набора символьных структур. Когнитивная функция языка в такой интерпретации редуцируется до роли формальной репрезентации логических структур, семантика языка или соотносится, или непосредственно отождествляется с логическими категориями.

Разрешение вопроса о том, какова форма «контактирования» языка и сознания, соотносено с вариантами интерпретации природы сознания, что включается в состав когнитивного: только логические структуры или сфера логического рассматривается в единстве с эмоциональной, волевой сферой, сферой телесных ощущений. Антитезу к логическим теориям языка и языковой семантики в истории лингвистической мысли и философии языка мы находим прежде всего в теориях происхождения языка XVIII в., в которых языковые интенции связывались прежде всего с необходимостью выразить эмоции и волю.

В позитивных лингвистических исследованиях эта линия была проявлена в работах психологического направления языкознания XIX в., в советской школе психолингвистики XX в., многие положения которой интегрированы в теорию когнитивной психологии и когнитивной лингвистики.

Когнитивная лингвистика при определении характера связи языка и сознания исходит из представления о том, что языковой и когнитивный механизм взаимно интегрированы и это взаимовлияние столь значительно, что автономное рассмотрение их структур приводит к ограничениям, нарушающим представление о природе объектов.

Новое понимание характера связи языка и сознания коррелирует с новой интерпретацией природы сознания. Когнитивная лингвистика формирует свой предмет исследования в соотношении с интегральной биосоциальной (биокультурной) теорией сознания, формирующейся в когнитивистике как междисциплинарной теории познания.

Главный тезис интегральной биокультурной теории познания, имеющий огромное значение для формирования методологии и практики лингвокогнитивных

исследований: сознание воплощено, интегративно, не следует высшие формы отрывать от других форм рефлексии, так как последние опосредствуются первыми [7, 8]. Язык при этом рассматривается не в бинарной оппозиции «язык – мышление», но в более сложном соотношении «язык – сознание – мозг – тело», т.к. «разум порожден в ходе взаимодействия тела и мозга в процессе эволюции в течение индивидуального развития в текущий момент», что доказывается в концепции А. Домазио: «...наши самые отточенные мысли и самые удачные действия, наши величайшие радости и глубочайшие печали исходят от *нашего тела как мерила всего*; разум существует в *интегрированном организме и для него...*» (курсив мой. – З.Р.) [9. С. 87].

Постулаты об интегрированности языковых и когнитивных структур и воплощенности сознания стимулируют исследователей к поиску новых моделей языкового значения, динамически соотнесенных с другими типами когнитивных процессов в фило- и онтогенезе. В качестве примера такой теории приведем концепцию Й. Златева, согласно которой «**значение (З)** есть отношение между **организмом (О)** и его физической и культурной **средой (С)**, определяемой **ценностью (Ц) С для О** (выделено мной. – З.Р.)» [8. С. 311]. Типы значений генерируются в разных типах контактирующих субъектов в различных вариантах среды. В качестве важнейших систем значений выделяются стимульно-сигнальная (простейшие, улитка *Aplysia*), → ассоциативная (рептилии, птицы, большая часть млекопитающих) → миметическая (человекообразные обезьяны) → символьная (человек). Человек, порождая особый тип опосредствованного символьного значения – языковое значение, интегрирует в онто- и филогенезе предшествующие типы/этапы формирования значений. При этом интегрируемые типы значений модифицируются, пребывая в контексте новых, и *влияют на формирование символьного значения*, т.е. собственно языкового значения [8. С. 319–354].

Рассмотрение языкового механизма в моделях интегрированного взаимодействия с сознанием, имеющим сложную, не только логическую природу, имеет огромное значение для понимания сущности языка, что важно как для лингвистики, так и для смежных наук. Внутрilingвистическое значение такого подхода проявляется в том, что в анализ описания вовлекаются новые языковые и речевые явления, репрезентирующие воплощенное сознание, субъектную интенциональность, расширяется проблемное поле лингвистических исследований, формируются новые направления лингвистики: когнитивный анализ языковой и речевой прагматики и семантики, в том числе когнитивные теории категоризации, языковых моделей, метафоры и т.д.

Когнитивная лингвистика интерпретирует языковые/речевые феномены в их соотношении с другими типами и формами когниции, выявляя все аспекты их отношений. При этом выделяется взаимонаправленное движение по двум исследовательским траекториям:

а) от анализа других типов когниции → к объяснению способов языкового мышления, языковых феноменов: языковые структуры анализируются, исходя из понимания их интегрированности в другие виды когнитивных процессов, которые, в свою очередь, интер-

претируются в аспекте их обусловленности, посредством мозга, опытом телесной жизни; → к выявлению способов перевода перцептивного и моторного опыта в символичные языковые структуры;

б) от языкового, символического значения → к другим, предшествующим в фило- и онтогенезе формам когнитивного существования человека; анализ языка как среды существования человека, определяющей его когницию и поведение, выявление того, каков характер конвенций, заложенных в языковых единицах, на которые ориентируется человек в своей жизни. Формируется понятие культурных фильтров, являющихся прежде всего языковыми, опосредствующих наше восприятие даже на самых низших формах перцепции.

При таком подходе многие традиционные лингвистические объекты, в том числе значение языковых знаков, получают принципиально иную трактовку.

Исследование языковой семантики занимает центральное положение в проблематике когнитивной лингвистики, при этом моделируется этот объект принципиально иным способом, в иных соотношениях с применением иного комплекса методов по отношению к структурному подходу.

В структурной модели представления языкового значения, во-первых, подчеркивается его внутриязыковой статус в оппозиции энциклопедическому знанию, моделируясь с применением собственно лингвистических методов; во-вторых, в анализе обособляются разные типы языкового значения, лексические, деривационные и грамматические, что мотивируется постулатом об обусловленности семантики языковой формой выражения; в-третьих, важное теоретико-методологическое значение в рамках направления имеет положение о строгой упорядоченности языкового значения, формулируемого в терминах структурного анализа как строго иерархически упорядоченная совокупность сем.

Интегративная концепция значения в когнитивной лингвистике, опираясь на постулаты о взаимообусловленности языковых и когнитивных структур и воплощенности сознания, развивает положение об отсутствии границы между собственно языковой семантикой и «внеязыковым знанием». Лингвокогнитивные исследования свидетельствуют, что фоновые знания оказывают ничуть не меньшее влияние на языковое функционирование единицы, нежели выделенные в рамках структурного подхода в базовые ядерные дифференциальные семы.

В интерпретации когнитивной лингвистики языковое значение не является собой строгую упорядоченность автономных минимальных компонентов, но представляет собой гештальт. Значение одновременно является и организованной структурой, и целостным образом, интегрирующим логическое и интуитивное, чувственное. Разные типы языковых значений находятся в разной степени приближения к полюсам логически упорядоченного и образного, эмоционального, чувственного.

В когнитивной семантике поставлена и разрешается новая проблема: интерпретация в языковой семантике телесного, кинетического опыта человека, опыта его непосредственных контактов с миром. Следствием этого является повышенный интерес когнитивной теории к метафоре, которая рассматривается как базовый лингвокогнитивный механизм формирования абстрактных смыслов в результате символического преобразования первичных смыслов, формируемых в процессах когнитивной переработки телесного опыта.

Двигаясь в противоположном направлении – от языкового значения к другим типам когниции, лингвисты-когнитологи рассматривают языковые значения в аспекте репрезентации ими концептуальных структур, совокупность которых – языковая картина мира – интерпретируется как семиотическая среда, опосредствующая контакты человека с физической средой и влияющая на них.

Исследование языковой картины мира – одно из наиболее активно разрабатываемых направлений когнитивной лингвистики: «Целью лингвистического анализа становится тогда выявление и детальное описание структур знания, мнений, оценок, стоящих буквально за каждой языковой единицей, категорией, формой. При акценте на когнитивную составляющую этих явлений речь идет о их содержании и значении, при акценте на дискурсивную – о способе подачи и распределения информации по «поверхности» рассматриваемых единиц...» [10. С. 29]. Перед современной когнитивной лингвистикой стоят задачи выявления способов, форм языкового миромоделирования, а также влияния языковых моделей мира на другие типы когнитивной деятельности человека, формирование моделей его речевого и неречевого поведения. Разрешая данные вопросы, когнитивная лингвистика вносит свой вклад в разрешение актуальной проблемы построения интегральной модели сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаспаров Б.М. Язык. Память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.
2. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М., 1977.
3. Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992.
4. Рязцева Н.К. Язык и естественный интеллект. М., 2005.
5. Косиков Г.К. «Структура» и/или «текст» (стратегии современной семиотики) // Интернет ресурс. Заглавие с экрана. Режим доступа: <http://www.libfl.ru/mimesis/txt/structure.html>
6. Кубрякова Е.С. Язык и знание. М., 2004.
7. Матурана У., Варела Ф. Дерево познания. М., 2001.
8. Златев И. Значение=жизнь (+культура): набросок единой биокультурной теории значения // Studia Linguistica Cognitiva. Вып. 1. Язык и познание: методологические проблемы и перспективы. М.: Гнозис, 2006. С. 308–361.
9. Залевская А.А. Проблема «тело–разум» в творчестве А. Домазю // Studia Linguistica Cognitiva. Вып. 1: Язык и познание: методологические проблемы и перспективы. М.: Гнозис, 2006. С. 82–104.
10. Кубрякова Е.С. Что может дать когнитивная лингвистика исследованию сознания и разума человека // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. материалов. Тамбов, 2006. С. 26–31.